

ОКТЯБРЬ
10
ПОНЕДЕЛЬНИК
1938 год
№ 56 (763)
Цена 30 коп.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

ОРГАН
ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

Экипаж самолета «Родина» (слева направо): командир самолета В. С. ГРИЗОДУБОВА, пилот П. Д. ОСИПЕНКО и штурман М. М. РАСКОВА. Слева — самолет «Родина» на Щелковском аэродроме (сентябрь 1938 г.).

Фото Дм. Бальтерманца.

Побеждают знания

Михаил Громов, прославленный Герой Советского Союза, человек, который не любит пышных фраз, сказал так:

«Я — летчик. Я хорошо знаю, что такое летать сквозь циклоны и бури, сквозь непроницаемую стену туманов, в ночь, в непогоду. И тем не менее я поклоняюсь перед мужеством, отвагой и высокими мастерствами Валентины Гризодубовой, Полины Осипенко и Марии Расковой.

Они поистине героини, эти простые женщины из народа».

Превосходно сказано. Нельзя не поклоняться перед мужеством, отвагой и мастерством трех советских патриотов, показавших всему миру, каково женщинам в свободной социалистической стране!

Нужен ли лучший пример поистине типичной воспитательной силы, которой обладает гениальный учитель человечества — Социалистическая революция?

Была произошла революция, Валентина Гризодубова, Полина Осипенко и Марина Раскова были маленькие девочками. Революция их вырастила, обучила и воспитала. И вышло так, что крестьянская дочь Полины Осипенко стала человеком огромной силы, капитаном Рабоче-крестьянской Красной Армии и мировой рекордисткой.

Вышло так, что дочь рабочего-стесаря, изобретателя-самоучки, которая была богат русской народ, Валентина Гризодубова стала одним из лучших летчиков гражданской авиации, депутатом Верховного Совета СССР, завоевала блестящие мировые рекорды и побывала с агит-экспедицией им. Горького в самых дальних уголках Советского Союза. Вышло так, что дочь актера Мариины Расковой, с величайшим упорством овладевшая знаниями, стала старшим лейтенантом Воздушного Флота, одним из лучших штурманов страны и показала образец выдержки и силы, склонившись перед непроходимой тайге в течение десяти дней.

Всем же секрет этого чудесного превращения, которое еще так недавно казалось бы нам фантастическим, да и сейчас кажется фантастическим в старом, одряхлевшем капиталистическом мире?

Секрет в том, что героям дочерей и сыновьем стalinской эпохи сочетается с точными знаниями, отвага — с глубокой большевистской идеейностью, а мужество — с интеллигентностью.

Количество интеллигентов растет в нашей стране буквально с каждым днем. Впервые в истории мира интеллигентность — качество, которым могли обладать лишь немногие — стала доступной всему народу. Народ понял и оценил это. Врожденная талантливость, быстрый и подвижной ум, свойственные народам на-

шего Союза, получили все необходимое для своего развития. Десятки миллионов школьников, сотни тысяч студентов в самых разнообразных отраслях науки, искусства и техники поднимаются сейчас к вершинам знания, готовясь стать новыми советскими интеллигентами.

Уже ощущается близко то время, когда в Советском Союзе не останется ни одного неинтеллигентного человека. Это не фантазия. Это самая настоящая реальность, построенная на фактах и цифрах.

Страсть к науке, желание во что бы то ни стало стать отличником в учебе, учебе военной или гражданской, но обязательно отличником! Разве это явление не стало общим, массовым?

В то время как в фашистских странах горят на кострах книги лучших людей человечества, у нас имена этих людей окружены ореолом славы, их книги издаются в миллионных тиражах и доступны всем!

Вооруженный знанием и опытом борьбы, наш народ непобедим. Его сила — в гениальном учении Маркса, Ленина и Сталина. Его сила — в гениях Дарвина, Тимирязева и Павлова. Его сила — в гениях Пушкина, Толстого и Горького!

Пусть запомнят грязные фашистские варвары, терзающие с помощью лживых членберленов тело демократической Чехословакии, что «в час войны вражеским силам придется столкнуться не только с нашей могучей непобедимой Красной Армией, но и со всем великим 170-миллионным свободным народом, который не отдаст ни одного вершка своей земли, земли, на которой расцветает под солнцем Стalinской Конституции счастье трудающих».

Это — слова Полины Осипенко. Но их с одинаковой решительностью произнесут любая женщина, любой мужчина, ребенок или старик нашей родины.

Мы едини в нашей любви и преданности коммунизму. Мы едини в нашей ненависти к фашистскому варварству.

Много волнений и радости принес нам полет Валентины Гризодубовой, Полины Осипенко и Мариины Расковой. Наши мысли были с ними, когда сквозь туманы и бури они неслись через Сибирь с именем Сталина в сердца.

Наши мысли с ними и сейчас, когда они победили и с триумфом возвращаются в родную столицу.

Ответ советских писателей писателям Чехословакии

Дорогие наши друзья и собратья! Советы человечества, к которой вы обращаетесь, не может не содрогнуться от вопиющей, оскорбительной несправедливости, совершенной над вашей страной.

Мы восхищаемся ее выдержанкой и мужеством вашего народа, восхищаемся вашей верностью ему.

Пусть фашистские варвары знают, что никакие лишения и жертвы не сломят свой дух чехословакского народа. Вы не будете одиночки, мы вас не оставим, мы вам поможем.

А. Толстой, А. Фадеев, В. Герасимов, С. Кирсанов, В. Лидин, А. Новиков-Прибой, В. Финк, И. Лежнев, Н. Зарянин, О. Войтinskaya, В. Ставский, И. Сельвинский, Н. Погодин, Л. Славин, В. Катаев, А. Корнейчук, Ф. Гладков, И. Новиков, Е. Иванов, М. Джалиев, Г. Лахуты, В. Вересаев, А. Серифимович, Н. Асеев, К. Тренев, Вс. Вишневский, Р. Григорян, Ю. Либединский, А. Безыменский, Мих. Голдинский, Н. Ляшко, А. Жаров, Е. Усевич, В. Ермилов, А. Караваева, Мих. Шолаков, Л. Леонов, М. Шагинян, К. Паустовский, В. Ильинов, Г. Шторм, Ю. Яновский, А. Копыленко, М. Бажан, А. Барто, В. Биль-Белоцерковский, Н. Антокольский, А. Файко, И. Москаленко, А. Макаренко, В. Луговской, Т. Ахуян, А. Платонов, И. Бабель, П. Павленко, С. Маршак, В. Бахметьев, Ф. Юдашев, Б. Лавренев, А. Форш, М. Слонимский, Ю. Тынянов, Сатты Хусанов, Н. Вирта, А. Усманов, Б. Пастернак, К. Федин, И. Френкель, В. Перцов, Л. Соловьев, Янка Купала, Якуб Колас, Перец Маркиш, Е. Петров.

Советы человечества, к которой вы обращаетесь, не может не содрогнуться от вопиющей, оскорбительной несправедливости, совершенной над вашей страной.

Мы восхищаемся ее выдержанкой и мужеством вашего народа, восхищаемся вашей верностью ему.

Пусть фашистские варвары знают, что никакие лишения и жертвы не сломят свой дух чехословакского народа. Вы не будете одиночки, мы вас не оставим, мы вам поможем.

А. Толстой, А. Фадеев, В. Герасимов, С. Кирсанов, В. Лидин, А. Новиков-Прибой, В. Финк, И. Лежнев, Н. Зарянин, О. Войтinskaya, В. Ставский, И. Сельвинский, Н. Погодин, Л. Славин, В. Катаев, А. Корнейчук, Ф. Гладков, И. Новиков, Е. Иванов, М. Джалиев, Г. Лахуты, В. Вересаев, А. Серифимович, Н. Асеев, К. Тренев, Вс. Вишневский, Р. Григорян, Ю. Либединский, А. Безыменский, Мих. Голдинский, Н. Ляшко, А. Жаров, Е. Усевич, В. Ермилов, А. Караваева, Мих. Шолаков, Л. Леонов, М. Шагинян, К. Паустовский, В. Ильинов, Г. Шторм, Ю. Яновский, А. Копыленко, М. Бажан, А. Барто, В. Биль-Белоцерковский, Н. Антокольский, А. Файко, И. Москаленко, А. Макаренко, В. Луговской, Т. Ахуян, А. Платонов, И. Бабель, П. Павленко, С. Маршак, В. Бахметьев, Ф. Юдашев, Б. Лавренев, А. Форш, М. Слонимский, Ю. Тынянов, Сатты Хусанов, Н. Вирта, А. Усманов, Б. Пастернак, К. Федин, И. Френкель, В. Перцов, Л. Соловьев, Янка Купала, Якуб Колас, Перец Маркиш, Е. Петров.

Из Керби, 7.X.38 г.

Москва, Кремль тov. Сталину

С Вашим именем в сердцах мы, дочери великой социалистической родины, пролетели без посадки сквозь облачность, туманы, обледенение и ночь от Москвы — сердца необъятной родины, до берегов Амура. На болоте, в тайге, среди сопок мы были не одинокими — с нами весь наш многомиллионный народ, партия и Вы, товарищ Сталин. За отцовскую заботу спасибо.

ГРИЗОДУБОВА, ОСИПЕНКО, РАСКОВА.

Из Керби, 7.X.38 г.

Москва, Кремль т. Сталину, Молотову, Кагановичу, Ворошилову, Ежову, Микояну, Калинину, Жданову, Андрееву

Ваше задание выполнено. Беспосадочный перелет Москва — Дальний Восток совершился на самолете «Родина» за 26 часов 29 минут. Посадка произведена на болотистое поле у реки Амгуни в ненаселенной местности. Экипаж здоров, материальная часть в исправности.

От всего сердца благодарим за вашу сталинскую заботу и помочь, оказанную нам.

Готовы выполнить любое задание партии и правительства.

ГРИЗОДУБОВА, ОСИПЕНКО, РАСКОВА.

КЕРБИ.

Экипажу самолета «Родина» т.т. В. Гризодубовой, П. Осипенко, М. Расковой

Горячо поздравляем вас с успешным и замечательным завершением беспосадочного перелета Москва — Дальний Восток.

Ваш геройский перелет покрытый по маршруту 6.450 километров, в по прямой — 5.947 километров в течение 26 часов 29 минут является международным женским рекордом как по прямой, так и по ломаной линии.

Ваша отвага, хладнокровие и высокое летное мастерство, проявленные в труднейших условиях пути и посадки, вызывают восхищение всего советского народа.

Гордимся вами и от всей души жмем ваши руки.

По поручению ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР

И. СТАЛИН
В. МОЛОТОВ.

Постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б)

СНК ССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Объявить благодарность Правительственной Комиссии в составе т. М. М. Кагановича, А. Д. Локтюнова и М. Ф. Каутшева за успешную работу по организации и завершению беспосадочного перелета самолета «Родина».

2. Предложить Правительственной Комиссии представить для награждения список отличившихся товарищей при разыске и эвакуации экипажа самолета «Родина».

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР

Секретарь Центрального Комитета ВКП(б)
И. СТАЛИН.

КАТЕР «ДАЛЬНЕВОСТОЧНИК» МИНОВАЛ ПРИСТАНЬ ИМ

Катер «Дальневосточник», на котором находятся В. Гризодубова, П. Осипенко и М. Раскова, успешно продвигается к устью реки Амгуни. Таким образом от Керби катер уже прошел 190 километров.

(ТАСС).

НА ПУТИ В КОМСОМОЛЬСК

Отважный экипаж самолета «Родина» продолжает свой путь на катере «Дальневосточник» в дальнейший путь. Следующий населенный пункт — поселок Тахта находится в устье реки Амгуни впадении ее в Амур. До Тахты катер предстоит пройти 170 км. Здесь героических лётчиков ожидают торжественная встреча.

Из Тахты т. Гризодубова, Осипенко и Раскова направляются по Амуру в Комсомольск.

(ТАСС).

На пути приветствовали доблестную тройку.

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ

Три сестры

После ледяной и горькой ночи, терпкой от запаха вялущих волюсей и речных пческов, над пустынными пажитями и лесами, наступило холодное солнце. Иней хрестит на полотнищах нашей палатки и блестят, как тусклое серебро. Большая заглохшая река — старое русло Оки, — заросшая по берегам стелющимися черными извивами, замерла в синеве мглы. Сквозь эту тихую мглу летели к югу птицы и далеко, на страшной высоте, торжественно и спокойно гудел самолет. Его то затягивало туманом, то вновь выносило в чистые пространства неба.

Самолет шел на восток упрямо и уверенно, и при первом же взгляде на него я почему-то подумал, что он идет в далекий и трудный рейс.

Было это величавое в его полете и, может быть, эта величавость и этот осенний день — один из сотен всегда прекрасных и неторопливых осенних дней, которые так богаты наша широта, — так же и другие мелочи — будь-то края гор, горы и другие мелочи — будь-то края гор, горы и мелкий блеск играющей рыбьи сияния или мелкий блеск играющей рыбьи сияния, все это создавало у меня и у моего спутника твердое убеждение, что это утро чрезвычайно отличается от других, как будто оно было началом праздничного дня, и что самолет, прошедший над нами, идет в далекие страны, в геройский и небывалый рейс.

Это было 24 сентября, а через день мы узнали, что как раз в этот день и час на тем глухим краем, где мы провели ночь в охотничьей палатке, проходил самолет трех геройских сестер — Гризодубовой, Осипенко и Расковой. Каждый вправе сказать, что они не сестры. Это верно, но, очевидно, в силу их общего мужества, дружбы и их любви друг к другу, три лётчицы опустились мною из нас как три сестры.

Когда пишу эти слова «три сестры», я невольно вспоминаю «трех сестер» Чехословакии и для меня, как и для каждого моего современника, это сопоставление рождает множество мыслей о несопоставимости эпох, о громадном развороте культуры и мужества в нашей стране, о том, что чехословаки, трогущие грустью, слова о чешской счастливой судьбе русских женщин осуществлялись гораздо раньше, чем о чешской.

Гордуюсь тем, что я могу сказать, как будто я сама перелетела от опущения, какими были окружен и этот полет и вся великолепная атмосфера поисков и спасения лётчиков. Это опущение можно назвать «чувством высокого».

В нем была и гордость за человека, и тревога, и мысли о непротяжных, как будто оглохших таежных ночах, и даже зависть к тем лётчикам, которые наплыли трех полетов,

Как обманывают президента

Эрнест Хемингуэй

В марте прошлого года, когда проездом в Барселону я остановился в Париже, видный американский журналист, генеральным образом связанный с Вашингтоном, сообщил мне, что консультант нашего посла в Испании Клод Дж. Буэра не ходит ни до государственного секретаря (министра иностранных дел, — Ред.), Хельса, ни до президента. Проверить эти сведения в Париже не было возможности, но я сразу же сообщил об этом послу, чтобы он убедился, получаются ли его донесения как следует, пришли меры в случае, если фашисты или сторонники генерала Франко в Государственном департаменте (министерстве иностранных дел, — Ред.) их перехватывают или направляют не туда, куда нужно.

Приехал в Испанию, я позаботился о том, чтобы посол получал не только блестящие и обстоятельные доклады от своих сотрудников в Барселоне, но и беспристрастные, неприкрашенные отчеты о положении от очевидца — человека, постоянно находящегося на фронте. После того, как в начале апреля республиканская армия ударила свою позицию и перформировала на реке Эбро, стало ясно, что Франко никак не может рассчитывать на захват Каталонии в этом году. Когда республиканская армия удержала свою позицию над Кастельюном после прорыва Франко к побережью, каждому, кто наблюдал начатками военных знаний и изучил испанскую историю, стало также ясно, что если республиканские войска не окажутся прорванными, война продлится по меньшей мере год или два.

Республиканская артиллерия, склонные к прорыву, к компромиссу, к малодушию, давно устремлены процессом естественного отбора, отбрасывающим в сторону трусов во время войны. У власти стал Негри.

Разъезжая по всем фронтам, разговаривая с командирами и солдатами, изучая моральное состояние армии и тыла, организацию снабжения армии, производство военного снаряжения и материалов, снабжение продовольствием народа и армии, видя волю народа к победе, я пришел к выводу, что военное положение республиканцев перевосходило, и сообщил об этом нашему послу. Содержание моего доклада дошло до Вашингтона.

Вопрос о снятии эмбарго, т. е. о продаже оружия республиканской Испании, встал перед сенатом. Это был вопрос, интересовавший Америку так же, как и Испанию, потому что основные интересы всех демократий мира неслись прут от друга. Перед правительством США был поставлен вопрос — следует ли разрешить

Статья З. Хемингуэя напечатана в сентябрьском номере американского журнала «HEN».

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

ЛЕРМОНТОВ

Лермонтов умер юношей. Необыкновенно ранним было все его развитие — душевное и поэтическое. Рано начал он писать стихи и «как бы по инстинкту переписывал и прибирал их». Рост его был стремителен, странен для окружающих и не всегда им приятен. Жизнь его не баловала. Он знал свою силу и предчувствовал, что обречен. «Сравнивая себя с Байроном, он призывал: «Я раньше начал, кончишу спасением», — это постоянный принцип его лирики. Предчувствие выражалось по-разному. Было и такое: «Голова, любимая тобою, с твоей груди на плаху перейдет». Образ собственной судьбы — судьбы опального, разжалованного гусара, изгнанника «света» — маячил перед ним гледя в бездонно-дымящую глубину кавказских предгорий Фигуры Демона. Он строил воображаемые романтические декорации для своих герояев. Самого себя драпировал в их плащи, окутывая загадочным сумраком, в духе мрачной, коричневой светотени рембрандитских портретов. Он изобразил себе преступное прошлое, между тем как у него, мальчика, вообще еще никакого прошлого не было.

Он искал подтверждения и опоры себе в чужих разбитых наложениях, в чужом душевном опустошении, и все это он вычитал в книгах. Это была типичная история «молодого человека начала XIX века». Типичная во всем. За нею стоял отрыв от действительности, и в этом отрыве были бунт молодого чувства и деятельного разума. Мы знаем, с какой силой он был выражен:

Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас наде мой?
Зачем не могу в небесах паять
И одну лишь свободу любить?
На запад, на запад помчалась бы я,
Где цветут мои приковы поля...
Но щитные мечты, бесполезны мольбы
Против строгих законов судьбы,

Меж мной и холмами отчизны моей
Расстилаются волны морей.
Последний потомок отважных бойцов
Увидает среку чужих снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний
Лучший...

О! зачем я на ворон степной?..

Таким было начало. Но хотя вся его жизнь была только началом, он с поразительным рвением, в лихорадке ночного труда, среди растущих груд исчерканных, испанской вдохновленной арабесками бумаги, искал точного выражения для своих настоящих, ни откуда не заимствованных чувств и мыслей. Esta работа кажется сейчас неизменно долгой, — так высок и возмужал гений Лермонтова. На самом деле она продолжалась три-четыре года. Он стал пристально вглядываться в себя. Он был первым в русской литературе, у кого булиши великие прозаики — больше всех Лев Толстой — учились самоанализу, искусству автопортрета. Лермонтовский реализм начинался с углубления в себя. В этом коренное его отличие от пушкинского реализма. «Герой нашего времени» — роман от «первого лица». Сколько в нем личного, сколько налюбленного — это другий вопрос, не он сейчас стоит перед нами. Важно вот что: так изнутри осветить и показать человека, своего современника, сверстника, приятеля, —наконец, даже самого себя, — так изображить этого героя в тайных помыслах, во всех извятых его языческой диалектике — было изобретением в тридцатых годах прошлого века. На этой дороге Лермонтов был пионером.

И вот тут оказалось, что он научился видеть правду — трезвую, горьчайшую, ничем и никак не прикрашенную. Так же он размышил об исконной судьбе своего дворянского поколения. Здесь он предвидел прозрительный стих, горькую насмешку «буманутого сына» на промтавшимся отцом. С такой же трезвой зоркостью он увидел в кавказском завое-

Роман и реализм

Искусство рассказа, как и всякое искусство вообще, имеет определенную функцию: оно стремится сделать мир более понятным, более доступным для восприятия. Искусство приобретает способность освоения мира благодаря фантазии — той замечательной силе, которая дает нам возможность перевоплощаться в чужие существования. Пoэт может так убедительно изобразить природу — дерево, скалу, волну, что созданые им образы входят в сумму общечеловеческих переживаний. Способность эта не имеет ничего общего с волшебством. Она определяется впечатлениями, получаемыми человеком из внешнего мира.

Временем некоторые карьеристы из Государственного департамента заявили президенту, что война в Испании кончится через месяцы. Кто-то назначил срок в три недели. Их оха из нового принципа реализма, который они готовились перенести на своих британских коллег, эти люди информировали президента о том, что бесмыслие позволяет Испанской республике покупать оружие для обороны, так как это оружие все равно попадет в руки Франко.

Все эти карьеристы имели свою информацию и обо всем они были осведомлены. Все их информация шла из Англии, и не менее ясно было, что кончается наш посол в Испании. Кто-то назначил срок в три недели. Их оха из нового принципа реализма, который они готовились перенести на своих британских коллег, эти люди информировали президента о том, что бесмыслие позволяет Испанской республике покупать оружие для обороны, так как это оружие все равно попадет в руки Франко.

Люди охотно слушают рассказы о том, как живется другие люди; но для того, чтобы такие рассказы были близки им, они должны находиться в них элементы знакомой действительности. Эти элементы должны быть перенесены и скомпонованы самим пестрым образом. Рассказ должен состоять из смены моментов, например, полема покоя; эта смена должна создавать необычные ситуации. Отсюда — стремление к пышным переодеваниям и счастливым развязкам, характерным как для старой, известной сказки, так и для современной, которую рассказывают народы. Они сообщают эти важные факты и о его предках, — так возникает «роман реализма», семейный роман. Но такого рода «фабула» свойственна не одному только человеку, в нем живым существом вообще, — и рыбе, и дереву, и она недостаточна, она не может служить осью художественного произведения даже для таких художников, как Готфрид Келлер.

Сущность фабулы заключается в том, чтобы установить соотношения между значительными событиями и установить их различным образом, чтобы в художественном произведении с их помощью достигалась такая «прозрачность» жизни, чтобы читатель, потрясенный или восхищенный, восприимчивший страшную правду, никогда не сделает как будущий для будущего.

В самом деле, вспомним слова генерала Клаузевица:

«Война есть продолжение государственно-политики иными средствами». Если это верно, то из этого неизбежно следует, что и политика мирного времени есть продолжение войны иными средствами. Это станет очевидным, если мы обернемся назад и бросим взгляд на последовавшие годы, когда в литературе, во всем искусстве восторжествовал и господствовал вкус к бессмыслице, к бессознательному и самовыражению образу; и еще более очевидным это становится в наши дни, когда война мир та смешалась, что в этой свалке и тигрица не распознает своих тигров.

Быть может, господин Жорж Скотт не представлялся лучшим случаем заговорить, чем в дни Герини и шанхайских зверств, но они преносят молчание, побравы слишком страшна. И никогда, пожалуй, умение ничего не сказать в поэзии и в живописи не способно было вызвать такого одобрения, как сейчас. В наше время всякий, кто черпает свое поэтическое вдохновение во мраке подозрительного, находит в министерских канцеляриях умных и образованных проворотов, которые виляют в таких писателях великолепных защитников режима, гораздо более нуждающихся в изощренных образах, чем в правдивости искусства и грозных словах, разоблачающих подлинную действительность.

Но двадцатилетний опыт должен спасти наших современников от заблуждений, недавно ослепивших молодежь. И хотя одно лишь слово «реализм» раздражает многих писателей, обязанных, однако, реальному миру самым ценным в их творчестве и таланте, все же во французской литературе пробудилось реалистическое сознание, и этот факт я хочу отметить.

На первом конгрессе писателей в западной культуре изложение моих взглядов по этому вопросу вызвало протесты сторонников иллюзионизма. С тех пор иллюзионизм потерял многих защитников, и лучшие писатели, тогда еще верившие в него, воинственно выступили против него.

Но двадцатилетний опыт должен спасти наших современников от заблуждений, недавно ослепивших молодежь. И хотя одно лишь слово «реализм» раздражает многих писателей, обязанных, однако, реальному миру самым ценным в их творчестве и таланте, все же во французской литературе пробудилось реалистическое сознание, и этот факт я хочу отметить.

На первом конгрессе писателей в западной культуре изложение моих взглядов по этому вопросу вызвало протесты сторонников иллюзионизма. С тех пор иллюзионизм потерял многих защитников, и лучшие писатели, тогда еще верившие в него, воинственно выступили против него.

Но двадцатилетний опыт должен спасти наших современников от заблуждений, недавно ослепивших молодежь. И хотя одно лишь слово «реализм» раздражает многих писателей, обязанных, однако, реальному миру самым ценным в их творчестве и таланте, все же во французской литературе пробудилось реалистическое сознание, и этот факт я хочу отметить.

На первом конгрессе писателей в западной культуре изложение моих взглядов по этому вопросу вызвало протесты сторонников иллюзионизма. С тех пор иллюзионизм потерял многих защитников, и лучшие писатели, тогда еще верившие в него, воинственно выступили против него.

Но двадцатилетний опыт должен спасти наших современников от заблуждений, недавно ослепивших молодежь. И хотя одно лишь слово «реализм» раздражает многих писателей, обязанных, однако, реальному миру самым ценным в их творчестве и таланте, все же во французской литературе пробудилось реалистическое сознание, и этот факт я хочу отметить.

На первом конгрессе писателей в западной культуре изложение моих взглядов по этому вопросу вызвало протесты сторонников иллюзионизма. С тех пор иллюзионизм потерял многих защитников, и лучшие писатели, тогда еще верившие в него, воинственно выступили против него.

Но двадцатилетний опыт должен спасти наших современников от заблуждений, недавно ослепивших молодежь. И хотя одно лишь слово «реализм» раздражает многих писателей, обязанных, однако, реальному миру самым ценным в их творчестве и таланте, все же во французской литературе пробудилось реалистическое сознание, и этот факт я хочу отметить.

На первом конгрессе писателей в западной культуре изложение моих взглядов по этому вопросу вызвало протесты сторонников иллюзионизма. С тех пор иллюзионизм потерял многих защитников, и лучшие писатели, тогда еще верившие в него, воинственно выступили против него.

Но двадцатилетний опыт должен спасти наших современников от заблуждений, недавно ослепивших молодежь. И хотя одно лишь слово «реализм» раздражает многих писателей, обязанных, однако, реальному миру самым ценным в их творчестве и таланте, все же во французской литературе пробудилось реалистическое сознание, и этот факт я хочу отметить.

На первом конгрессе писателей в западной культуре изложение моих взглядов по этому вопросу вызвало протесты сторонников иллюзионизма. С тех пор иллюзионизм потерял многих защитников, и лучшие писатели, тогда еще верившие в него, воинственно выступили против него.

Но двадцатилетний опыт должен спасти наших современников от заблуждений, недавно ослепивших молодежь. И хотя одно лишь слово «реализм» раздражает многих писателей, обязанных, однако, реальному миру самым ценным в их творчестве и таланте, все же во французской литературе пробудилось реалистическое сознание, и этот факт я хочу отметить.

На первом конгрессе писателей в западной культуре изложение моих взглядов по этому вопросу вызвало протесты сторонников иллюзионизма. С тех пор иллюзионизм потерял многих защитников, и лучшие писатели, тогда еще верившие в него, воинственно выступили против него.

Но двадцатилетний опыт должен спасти наших современников от заблуждений, недавно ослепивших молодежь. И хотя одно лишь слово «реализм» раздражает многих писателей, обязанных, однако, реальному миру самым ценным в их творчестве и таланте, все же во французской литературе пробудилось реалистическое сознание, и этот факт я хочу отметить.

На первом конгрессе писателей в западной культуре изложение моих взглядов по этому вопросу вызвало протесты сторонников иллюзионизма. С тех пор иллюзионизм потерял многих защитников, и лучшие писатели, тогда еще верившие в него, воинственно выступили против него.

Но двадцатилетний опыт должен спасти наших современников от заблуждений, недавно ослепивших молодежь. И хотя одно лишь слово «реализм» раздражает многих писателей, обязанных, однако, реальному миру самым ценным в их творчестве и таланте, все же во французской литературе пробудилось реалистическое сознание, и этот факт я хочу отметить.

На первом конгрессе писателей в западной культуре изложение моих взглядов по этому вопросу вызвало протесты сторонников иллюзионизма. С тех пор иллюзионизм потерял многих защитников, и лучшие писатели, тогда еще верившие в него, воинственно выступили против него.

Но двадцатилетний опыт должен спасти наших современников от заблуждений, недавно ослепивших молодежь. И хотя одно лишь слово «реализм» раздражает многих писателей, обязанных, однако, реальному миру самым ценным в их творчестве и таланте, все же во французской литературе пробудилось реалистическое сознание, и этот факт я хочу отметить.

На первом конгрессе писателей в западной культуре изложение моих взглядов по этому вопросу вызвало протесты сторонников иллюзионизма. С тех пор иллюзионизм потерял многих защитников, и лучшие писатели, тогда еще верившие в него, воинственно выступили против него.

Но двадцатилетний опыт должен спасти наших современников от заблуждений, недавно ослепивших молодежь. И хотя одно лишь слово «реализм» раздражает многих писателей, обязанных, однако, реальному миру самым ценным в их творчестве и таланте, все же во французской литературе пробудилось реалистическое сознание, и этот факт я хочу отметить.

На первом конгрессе писателей в западной культуре изложение моих взглядов по этому вопросу вызвало протесты сторонников иллюзионизма. С тех пор иллюзионизм потерял многих защитников, и лучшие писатели, тогда еще верившие в него, воинственно выступили против него.

Но двадцатилетний опыт должен спасти наших современников от заблуждений, недавно ослепивших молодежь. И хотя одно лишь слово «реализм» раздражает многих писателей, обязанных, однако, реальному миру самым ценным в их творчестве и таланте, все же во французской литературе пробудилось реалистическое сознание, и этот факт я хочу отметить.

На первом конгрессе писателей в западной культуре изложение моих взглядов по этому вопросу вызвало протесты сторонников иллюзионизма. С тех пор иллюзионизм потерял многих защитников, и лучшие писатели, тогда еще верившие в него, воинственно выступили против него.

Но двадцатилетний опыт должен спасти наших современников от заблуждений, недавно ослепивших молодежь. И хотя одно лишь слово «реализм» раздражает многих писателей, обязанных, однако, реальному миру самым ценным в их творчестве и таланте, все же во французской литературе пробудилось реалистическое сознание, и этот факт я хочу отметить.

На первом конгрессе писателей в западной культуре изложение моих взглядов по этому вопросу вызвало протесты сторонников иллюзионизма. С тех пор иллюзионизм потерял многих защитников, и лучшие писатели, тогда еще верившие в него, воинственно выступили против него.

Но двадцатилетний опыт должен спасти наших современников от заблуждений, недавно ослепивших молодежь. И

Ум и сердце

О повести В. Герасимовой «Хитрые глаза»

М. ЮФИТ

О повести В. Герасимовой «Хитрые глаза» много говорят в последнее время. Спорят. Многие повесть не нравятся. Но почти все с уважением относятся к на- мерениям автора.

Анна Караваева, дающая в своих «Заметках писателя» («Литгазета» № 55) смесь оценки повести, признает, что «серьезный замысел повести не всегда находит достаточно полноценное разрешение». Мне кажется, что причина этого «недостаточно полноценного разрешения» не в художественной неудаче, а в каких-то принципиальных возвратах автора.

В своей повести Герасимова ничего не скрывает от читателя. Она ничем не пытается читателя уединить. С самого начала понятно, что истину где-то за пределами спора «упрощенцев» «эстетствующих».

Все лаборатории писателя налицо. Кажется, что видны перед собой речи и колбы, содержащие в себе химические со-ставы, реакции которых на то или иное соединение заранее известны.

Вот колба с надписью «упрощенец». Это — Иван Иванович Хребтов, тип «крепкого мужика». По старой армейской привычке он носит сапоги, гимнастерку и кепку. Он говорит: «Головастый мужик!» или «Гладко! Не выйдет! Никак не выйдет, товариши!».

Вот с надписью «эстетствующий». Это — Захарий Эрастович Миусов. (Не Захар, а именно Захарий.) И батюшка у него не Петр и даже не Валентин, а Эраст. Коль бухтует еще девушки с бабушкиной знанием, что внук их будет заведывать изательством). Человек с серебряными, рябющими кудрями, в просторном, небрежном костюме, несколько старомодного покрова, с открученным белым воротничком, с чуть бархатистой, приспешивающей речью. Он кажется не главой учреждения, а художником, ученым, даже певцом! Он может просинеть извне, обижаться виноватку для книги, он любит говорить о «прекрасном».

Вот «псевдонародность» — Екатерина Молостова из отеля «Фольклор», былинки и эпосы». Разговаривает она нарсивом, и склад речи у нее былинный. И сама она не худенькая, а пышнотелая.

Вот «якобы утонченная» — Львовская. Эта уже худенькая. Разговаривает, как маленькая девочка. У нее «лучи бобов». У нее вся комната заставлена игрушками.

Вот «хомсомолка из интеллигентной семьи» — Женя Заботина. От «интелигентности» у нее жалость к людям и не-правильное представление о благородстве. Ей стыдно отмечаться от Миусова и перейти к упрощенцам, хотя на их стороне, по ее мнению, больше здорово. От комсомолки у нее предрассудок к интеллигентской мягкотелости, повышенной требовательности к себе и другим.

Так же обнажено одна характеристика всех остальных героев. Пружины, заложенные в их характерах, отчетливо видны. Поэтому, хотя персонажи показаны в развитии, никакая неожиданность читателя не ждет.

Все сделано с заранее обдуманным на-мерением.

Оценка художественного произведения — дело весьма субъективное. Дело не в оцен-ке. Интересен в данном случае самый при-ем — желание решить художественную задачу путем логической схемы.

Такой прием кажется мне неправильным. Потому что сам процесс абстра-гирования неизбежно связан с опасностью исказить вещи. Условные категории, заме-няющие в повести Герасимовой людей, кажутся чуждыми читателю. И этим самым опро-никула всю искусственно созданную кон-струкцию повести.

Вспомним об основных элементах ху-дожественного произведения — лиге, сюже-

те, человеческих характерах. В повести все это перепутано.

Можно ли считать жизненным вопрос — упрощество или эстетствование? Разумеется, нельзя. Вопрос о том, какая литература нужна нам, давно решен.

Может ли «борьба» этих направлений в издательстве послужить поводом для столкновения больших человеческих страсти?

Вряд ли. Тем более, что борьба эта не столько принципиальный спор, сколько «борьба за власть» в масштабе издательства художественной литературы.

Сюжеты в издательствах бывают, но они одновременно и мельче и опаснее того, что показано в повести.

Что же до настоящей классовой борьбы, которая велась в свое время в наших из-дательствах, то она в повести Герасимовой выглядит не так, как она выглядела в действительноности.

Но, может быть, повесть написана не для того, чтобы утвердить истину (и не упрощество и не эстетствование), а для того, чтобы показать «слепых» и «зрящих» людей?

Тогда главным в повести должны быть люди. Но ведь мы видели уже, побывав в лаборатории писателя (он сам ввел нас туда, показав нам записанную книжку Степанова), что Герасимову интересуют не люди, а типизированные явления.

Вместо характеров людей показаны суммы и доли. Отвлеченные понятия выражены в определенной маске.

Что же получается?

Нетрудно за античной головой-маской Львовской узнат его полигонное лицо. Но что, если в реальных условиях черты лица у него будут резки? Что, если упрощенца будут звать Олег, а эстета Никифор? Что, если Молостова будет носить очки, а Валентина Львовскую прыгнет с парашютом?

Психология людей, на которых нале-тает маски, не интересует Герасимова. Ее интересует не Иван Иванович Хребтов, как такой, появление упрощенства в ли-тературе. Если бы Герасимову интересовал Хребтов, то она показала бы там его не внешне (гимнастка, салоги, любимые словечки), а внутренне, показала бы ошибки в созидаании.

Если можно применить условный кри-тирий «ум и сердце», то можно утвер-ждать, что почти все образы в повести на-писаны «умом». Они созданы путем аб-страгирования.

И в этом убеждает меня та же повесть Герасимовой. Ибо один из основных ее персонажей — большевика Роза Агейчик — показана как живой человек, а не как отвлеченные понятия личности.

У Агейчик биография революционерки.

Если бы Герасимова продолжала настаивать на своем приеме, Агейчик была бы, пожалуй, другим героям повести, лишенна внутреннего мира.

Но Герасимова на этот раз отказалась от своего приема. Она сделала Агейчику глубоко человеческую. И этим самым опро-никула всю искусственно созданную кон-струкцию повести.

Досадно, что этим содействует отме-на в повести лишь одна глава — стихотвор-

казывать в людях только то, что «похоже», то, что описывает Агейчик, она подчеркивает в ней то, что «не похоже». И именно этим добилась полного правилоподобия и ху-дожественной цельности образа.

Что же привлекает читателя в образе Агейчик? Будем говорить честно. Отнюдь не ее роль в учрежденческой борьбе. Читатель интересен ее внутренний мир, ее человеческая сущность. Читателю хочется узнать жизнь такой женщины, как Агейчик.

И кое-что он об этом в повести Гера-симовой узнает. Он узнает, как, работая в ревтрибунале, она однажды, проговорившись о том, что «агитаторы» из «партии» не хотят винить в масштабе нарушений именно ее.

Вряд ли. Тем более, что борьба эта не столько принципиальный спор, сколько «борьба за власть» в масштабе издательства художественной литературы.

Сюжеты в издательствах бывают, но они одновременно и мельче и опаснее того, что показано в повести.

Что же до настоящей классовой борьбы, которая велась в свое время в наших из-дательствах, то она в повести Герасимовой выглядит не так, как она выглядела в действительноности.

Но, может быть, повесть написана не для того, чтобы утвердить истину (и не упрощество и не эстетствование), а для того, чтобы показать «слепых» и «зрящих» людей?

Тогда главным в повести должны быть люди. Но ведь мы видели уже, побывав в лаборатории писателя (он сам ввел нас туда, показав нам записанную книжку Степанова), что Герасимову интересуют не люди, а типизированные явления.

Вместо характеров людей показаны суммы и доли. Отвлеченные понятия выражены в определенной маске.

Что же получается?

Нетрудно за античной головой-маской Львовской узнат его полигонное лицо. Но что, если в реальных условиях черты лица у него будут резки? Что, если упрощенца будут звать Олег, а эстета Никифор? Что, если Молостова будет носить очки, а Валентина Львовскую прыгнет с парашютом?

Психология людей, на которых нале-тает маски, не интересует Герасимова. Ее интересует не Иван Иванович Хребтов, как такой, появление упрощенства в ли-тературе. Если бы Герасимову интересовал Хребтов, то она показала бы там его не внешне (гимнастка, салоги, любимые словечки), а внутренне, показала бы ошибки в созидаании.

Если можно применить условный кри-тирий «ум и сердце», то можно утвер-ждать, что почти все образы в повести на-писаны «умом». Они созданы путем аб-страгирования.

И в этом убеждает меня та же повесть Герасимовой. Ибо один из основных ее персонажей — большевика Роза Агейчик — показана как живой человек, а не как отвлеченные понятия личности.

У Агейчик биография революционерки. Если бы Герасимова продолжала настаивать на своем приеме, Агейчик была бы, пожалуй, другим героям повести, лишенна внутреннего мира.

Но Герасимова на этот раз отказалась от своего приема. Она сделала Агейчику глубоко человеческую. И этим самым опро-никула всю искусственно созданную кон-струкцию повести.

Досадно, что этим содействует отме-на в повести лишь одна глава — стихотвор-

Новая книга Переца Маркиша

В издании Гослитиздата вышла новая книга стихов Переца Маркиша под заглавием «Голос гражданина». Заглавие это характеризует не только для творчества Маркиша, оно отражает олицетворение существенных моментов советской поэзии вообще.

Наиболее значительные поэты прошлого всегда удаляли место общественно-политическим мотивам. Но им приходилось доказывать право поэзии на эти мотивы, приходилось отстаивать «гражданскую поэзию» против всяческих поборников так называемого «чистого искусства». В советской поэзии, на костылях, стоял испанский боец на московской площади среди празднических людех, общественно-политические мотивы и идеи проникают в самое существо художественной ткани.

Ближайшая для всех народов вестью, Словом наступление, празднество народное.

Раньше в боях с жестоким врагом, на костылях, стоял испанский боец на московской площади среди празднических людех, общественно-политические мотивы и идеи проникают в самое существо художественной ткани.

Книга Переца Маркиша вносит новые яркие страницы в нашу политическую поэзию.

Маркиш — поэт большого общественного опыта, активно откликающийся на важнейшие явления нашей общественной и политической жизни.

Широкие круги советских читателей недостаточно знакомы с поэтическим творчеством Переца Маркиша, потому что лишь немногие из них знают, что основная сила Маркиша как поэта — в его эпических произведениях.

Широкие круги советских читателей недостаточно знакомы с поэтическим творчеством Переца Маркиша, потому что лишь немногие из них знают, что основная сила Маркиша как поэта — в его эпических произведениях.

Широкие круги советских читателей недостаточно знакомы с поэтическим творчеством Переца Маркиша, потому что лишь немногие из них знают, что основная сила Маркиша как поэта — в его эпических произведениях.

Широкие круги советских читателей недостаточно знакомы с поэтическим творчеством Переца Маркиша, потому что лишь немногие из них знают, что основная сила Маркиша как поэта — в его эпических произведениях.

Широкие круги советских читателей недостаточно знакомы с поэтическим творчеством Переца Маркиша, потому что лишь немногие из них знают, что основная сила Маркиша как поэта — в его эпических произведениях.

Широкие круги советских читателей недостаточно знакомы с поэтическим творчеством Переца Маркиша, потому что лишь немногие из них знают, что основная сила Маркиша как поэта — в его эпических произведениях.

Широкие круги советских читателей недостаточно знакомы с поэтическим творчеством Переца Маркиша, потому что лишь немногие из них знают, что основная сила Маркиша как поэта — в его эпических произведениях.

Широкие круги советских читателей недостаточно знакомы с поэтическим творчеством Переца Маркиша, потому что лишь немногие из них знают, что основная сила Маркиша как поэта — в его эпических произведениях.

Широкие круги советских читателей недостаточно знакомы с поэтическим творчеством Переца Маркиша, потому что лишь немногие из них знают, что основная сила Маркиша как поэта — в его эпических произведениях.

Широкие круги советских читателей недостаточно знакомы с поэтическим творчеством Переца Маркиша, потому что лишь немногие из них знают, что основная сила Маркиша как поэта — в его эпических произведениях.

Широкие круги советских читателей недостаточно знакомы с поэтическим творчеством Переца Маркиша, потому что лишь немногие из них знают, что основная сила Маркиша как поэта — в его эпических произведениях.

Широкие круги советских читателей недостаточно знакомы с поэтическим творчеством Переца Маркиша, потому что лишь немногие из них знают, что основная сила Маркиша как поэта — в его эпических произведениях.

Широкие круги советских читателей недостаточно знакомы с поэтическим творчеством Переца Маркиша, потому что лишь немногие из них знают, что основная сила Маркиша как поэта — в его эпических произведениях.

Широкие круги советских читателей недостаточно знакомы с поэтическим творчеством Переца Маркиша, потому что лишь немногие из них знают, что основная сила Маркиша как поэта — в его эпических произведениях.

Широкие круги советских читателей недостаточно знакомы с поэтическим творчеством Переца Маркиша, потому что лишь немногие из них знают, что основная сила Маркиша как поэта — в его эпических произведениях.

Широкие круги советских читателей недостаточно знакомы с поэтическим творчеством Переца Маркиша, потому что лишь немногие из них знают, что основная сила Маркиша как поэта — в его эпических произведениях.

Широкие круги советских читателей недостаточно знакомы с поэтическим творчеством Переца Маркиша, потому что лишь немногие из них знают, что основная сила Маркиша как поэта — в его эпических произведениях.

Широкие круги советских читателей недостаточно знакомы с поэтическим творчеством Переца Маркиша, потому что лишь немногие из них знают, что основная сила Маркиша как поэта — в его эпических произведениях.

Широкие круги советских читателей недостаточно знакомы с поэтическим творчеством Переца Маркиша, потому что лишь немногие из них знают, что основная сила Маркиша как поэта — в его эпических произведениях.

Широкие круги советских читателей недостаточно знакомы с поэтическим творчеством Переца Маркиша, потому что лишь немногие из них знают, что основная сила Маркиша как поэта — в его эпических произведениях.

Широкие круги советских читателей недостаточно знакомы с поэтическим творчеством Переца Маркиша, потому что лишь немногие из них знают, что основная сила Маркиша как поэта — в его эпических произ

Секрет драматургии

24 ноября в Малом театре устраивается спектакль, посвященный М. С. Щепкину. Будет сделан доклад о жизни и творчестве Щепкина, который, выступая в пьесах «Горе от ума», «Ревизор», старинных водевилях и т. д., давал незабываемые образы. На уренике будут читаться также «Записки автора» М. С. Щепкина.

Коллектив театра выступит с этой программой в Курске театре имени Щепкина на сцене, где впервые Щепкин начал свою театральную деятельность. Коллективаст концепт также и в селе «Красное», Курской области, на родине гения русской комедии.

К юбилейному спектаклю театр выпускает брошюру, посвященную памяти Щепкина и Грибоедова. В ней будут помещены биография Щепкина и статьи: «Грибоедов и «Горе от ума», «Горе от ума» в Малом театре», «Горе от ума» в 1938 году» и «Щепкин—Фамусов». Брошюра будет содержать много иллюстраций исполнителей «Горе от ума» в разные эпохи.

ПОСЛЕДНИЕ КОНЦЕРТЫ ДИРИЖЕРОВ-ЛАУРЕАТОВ

Третий тур всесоюзного конкурса дирижеров близится к концу. Впереди — два последних выступления лауреатов — Наталии Рахлиной и Марка Павермана.

В программе концерта Н. Рахлины, назначенного на 12 октября, — Бах-Гендель — «Пасхалия», Чайковский — симфоническая пьеса «Франтеска да-Римини» и его же фортепианный концерт (солист — Эмиль Гильельс), первая симфония советского композитора Дашкевича и четвертая картина из балета Максимилиана Штейнберга — «Ленништадт».

15 октября Большой зале консерватории выступает М. Паверман. В программу его симфонического концерта включены: увертюра «Леонора» № 3 Бетховена, вторая, четвертая и пятая части «Испанской симфонии» Ладо (сolistка — скрипачка Лиза Гильельс), «Торжественная увертюра» Глазунова, увертюра-фантазия «Ромео и Джульетта» Чайковского, 18-я симфония Московского и неизданное сочинение советского композитора.

«КОНЕК-ГОРБУНОК» В КУКОЛЬНОМ ТЕАТРЕ

Сегодня Государственный центральный театр кукол под руководством заслуженного артиста республики С. В. Образцова открывает свой зимний сезон новой постановкой — «Конек-горбунок».

Текст составлен В. Курдюмовым по сказке Еропки. Постановка спектакля С. Образцова и В. Новикова. Оформление В. Дробышевского.

Рисунок Н. Радлова.

Муки драматургического творчества

Е. ВЕЙСМАН

У истоков русской культуры

В Загорском музее

Недавно в Загорске, в б. Троицком монастыре, вновь открылся, после реконструкции, историко-художественный музей. Руководство и научные сотрудники музея выполнили трудную и большую работу.

Троицкий монастырь был основан в середине XIV века. Он существовал почти тысячу лет. Он пережил татарское иго. Троицкие игумены тесно связывали судьбу монастыря с московскими князьями XIV и XV вв. Монастырь в известной степени способствовал созданию русского национального государства. В начале XVII века монастырь не пропустил к Москве польских отрядов Сапеги и Лисовского, выдержав полную осаду и полоток от своих степей отбили.

История Троицкого монастыря не является только историей высшего духовенства и монахов — это также история монастырских вотчин, часть истории русского крестьянства.

Экспозиции монастырях хранятся на «старинах», когда «мир» было все мирно», правда, иногда восставали против них. Но Троицкие крестьяне дружно защищали родную землю, когда мимо монастыря по «боярским тропам» проходили татарские рати Токтамиша, когда по монастырским стенам становились польские интервенты.

Правильно отмечая это, музей должен более отчетливо обяснять и своеобразие монастырской деятельности XIV и XV вв. Троицкий монастырь этого времени, эксплуатируя крестьянина, создавая феодальные землевладельческие и промышленные хозяйства, колонизуя северные края русской земли, наряду с этим являлся одним из очагов древнерусской культуры, распространяя грамотность. Забывать об этом было бы ошибкой.

Об истинах, как русская первков способствовала воспитанию московских князей, почему не вспомним, как именем Сергея Пименова письма о келаре Троицкого монастыря стало замалчивать крестьян-

— По-настоящему его зовут Алемша Су-щепчиков. Джим Ричард — это его газетно-театрально-кинематографический-эстрадно-балетно-цирковой псевдоним. Гениальный парень! Сейчас слесаем сценарий на нему.

Поддувалов не пошел в театр. На обратном пути он зашел в редакцию толстого журнала. Там он снова наткнулся на Сучкова.

— Алло! — кричал Сучков. — Джим, ты меня слышишь? Что у нас есть для Центрофильма? О любви? Заятия? О дружбе? Уже пишут Кличкин и Шашкин. О романах? Застроено. Сахар из свеклы? Не пойдет. Да, дальше... Суеская перевопль? Исп! Собачь звонко Николим Ивановичу. Сконструируем заявку. Слушай-ка, Джим! Там есть какое-то «ССБ»... Союз центральных безбожников? Нет, кажется, что-то другое...

— Сигнализация, централизация и блокировка, — подсказал Поддувалов.

— Благодарю вас.

Поддувалов попал домой. Он взял свою двадцатидевятую тетрадь, открыл окно, размахнулся... но не выбросы их, а спрятал в шкаф. После этого он заплакал.

Через месяц Поддувалов зашел к своему знакомому, известному актеру.

Актер сидел в уборной перед большим зеркалом. Он был в гриме. Лицо у него было усталое, на щеках лежала рукоять.

— Сенсационно, — сухо сказал Сучков.

— Советский машинист. Усы, трубка, честное, прямое лицо. Ведет паровоз без промывки. Кругом вода — реки, озера, моря, воды! Но он не промывает. Вот уж мелькнула трехсоттысячная килеметр... Сложите, а?

— Постойте, — сказал Поддувалов тревожно, — я ведь написал пьесу как раз...

— Что? (глаза Сучкова забегали по сторонам). А мы, то есть я и Джим Ричард, уже продали ее в шесть театров. Сенсация! От режиссеров отбоя нет. Авторские!

Банкеты!

— Но... — сказал Поддувалов, — ведь вы, кажется, никогда не занимались ни драматургией, ни жлезными дорогами... Ведь это надо пережить...

— А вы занимались? — хитро сказал Сучков. — Конечно! Наше! Застроено!

— Заятия? — сказал Поддувалов дрожащим голосом, — но я полтора года работал...

Сучков залился хохотом.

— Потом года! А мы с Джимом Ричардом проспели одну ночь. Потом года. Ничего из вас не выйдет. Поддувалов! Или-таки...

— Я писал пьесу в театр, — робко сказал Поддувалов.

— Не надо. Застроено. Заявка схлопала.

— А может быть, все-таки сходить в театр? — робко пробормотал Поддувалов, — они просят...

— Когда это было?

— Полчаса назад.

— Не ходите. Спустят с лестницы. Пять минут назад мы с Джимом подобрались к нашему залу и нашли там...

— Позвольте, — сказал Поддувалов дрожащим голосом, — но я полтора года работал...

Сучков залился хохотом.

— Потом года! А мы с Джимом Ричардом проспели одну ночь. Потом года. Ничего из вас не выйдет. Поддувалов! Или-таки...

— Я писал пьесу в театр, — робко сказал Поддувалов.

— Не надо. Застроено. Заявка схлопала.

— А может быть, все-таки сходить в театр? — робко пробормотал Поддувалов, — они просят...

— Когда это было?

— Полчаса назад.

— Не ходите. Спустят с лестницы. Пять минут назад мы с Джимом подобрались к нашему залу и нашли там...

— Позвольте, — сказал Поддувалов дрожащим голосом, — но я полтора года работал...

Сучков залился хохотом.

— Потом года! А мы с Джимом Ричардом проспели одну ночь. Потом года. Ничего из вас не выйдет. Поддувалов! Или-таки...

— Я писал пьесу в театр, — робко сказал Поддувалов.

— Не надо. Застроено. Заявка схлопала.

— А может быть, все-таки сходить в театр? — робко пробормотал Поддувалов, — они просят...

— Когда это было?

— Полчаса назад.

— Не ходите. Спустят с лестницы. Пять минут назад мы с Джимом подобрались к нашему залу и нашли там...

— Позвольте, — сказал Поддувалов дрожащим голосом, — но я полтора года работал...

Сучков залился хохотом.

— Потом года! А мы с Джимом Ричардом проспели одну ночь. Потом года. Ничего из вас не выйдет. Поддувалов! Или-таки...

— Я писал пьесу в театр, — робко сказал Поддувалов.

— Не надо. Застроено. Заявка схлопала.

— А может быть, все-таки сходить в театр? — робко пробормотал Поддувалов, — они просят...

— Когда это было?

— Полчаса назад.

— Не ходите. Спустят с лестницы. Пять минут назад мы с Джимом подобрались к нашему залу и нашли там...

— Позвольте, — сказал Поддувалов дрожащим голосом, — но я полтора года работал...

Сучков залился хохотом.

— Потом года! А мы с Джимом Ричардом проспели одну ночь. Потом года. Ничего из вас не выйдет. Поддувалов! Или-таки...

— Я писал пьесу в театр, — робко сказал Поддувалов.

— Не надо. Застроено. Заявка схлопала.

— А может быть, все-таки сходить в театр? — робко пробормотал Поддувалов, — они просят...

— Когда это было?

— Полчаса назад.

— Не ходите. Спустят с лестницы. Пять минут назад мы с Джимом подобрались к нашему залу и нашли там...

— Позвольте, — сказал Поддувалов дрожащим голосом, — но я полтора года работал...

Сучков залился хохотом.

— Потом года! А мы с Джимом Ричардом проспели одну ночь. Потом года. Ничего из вас не выйдет. Поддувалов! Или-таки...

— Я писал пьесу в театр, — робко сказал Поддувалов.

— Не надо. Застроено. Заявка схлопала.

— А может быть, все-таки сходить в театр? — робко пробормотал Поддувалов, — они просят...

— Когда это было?

— Полчаса назад.

— Не ходите. Спустят с лестницы. Пять минут назад мы с Джимом подобрались к нашему залу и нашли там...

— Позвольте, — сказал Поддувалов дрожащим голосом, — но я полтора года работал...

Сучков залился хохотом.

— Потом года! А мы с Джимом Ричардом проспели одну ночь. Потом года. Ничего из вас не выйдет. Поддувалов! Или-таки...

— Я писал пьесу в театр, — робко сказал Поддувалов.

— Не надо. Застроено. Заявка схлопала.

— А может быть, все-таки сходить в театр? — робко пробормотал Поддувалов, — они просят...

— Когда это было?

— Полчаса назад.

— Не ходите. Спустят с лестницы. Пять минут назад мы с Джимом подобрались к нашему залу и нашли там...

— Позвольте, — сказал Поддувалов дрожащим голосом, — но я полтора года работал...

Сучков залился хохотом.

— Потом года! А мы с Джимом Ричардом проспели одну ночь. Потом года. Ничего из вас не выйдет. Поддувалов! Или-таки...

— Я писал пьесу в театр, — робко сказал Поддувалов.

— Не надо. Застроено. Заявка схлопала.

— А может быть, все-таки сходить в театр? — робко пробормотал Поддувалов, — они просят...

— Когда это было?

— Полчаса назад.

1893 г.

А. Н. Плещеев

45 лет назад, 8 октября 1893 г., умер Алексей Николаевич Плещеев, поэт, беллетрист, активный участник кружка петербургской группы. Первый сборник стихотворений Плещеева, вышедший в 1846 г., был особенно встречен критикой, отметившей общественную значительность его поэзии.

«Он, — писал Валерий Майков, — сильно соответствует вопросам своего времени, отражает всеми недугами века, болезненно мучится несовершенствами общества и споряет нетерпимо жаждой способствовать совершенствованию и торжеству на земле истины, любви и братства.. Плещеев вообще передко говорит в своих стихах о самом себе; но это не плачливые жалобы на судьбу, не стоны разочарования, не тоска по утраченной личной счастья, — нет, это волны души, разыгрываемой сомнением, глухая и упорная битва с действительностью, безобразие которой глубоко постигнуло поэта, и среди которой ему душно и тесно, как в смрадной темнице.. Изнемогая в борьбе, но далекий от того, чтобы уступить, бесславно бежать с поля, он вскидывает к своим друзьям:

Вперед! Без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!

Это стихотворение, получившее широкое распространение, стало популярной песней среди революционно-демократической молодежи. Н. Г. Чернышевский назвал это стихотворение прекрасным гимном, «который всегда остается прекрасной памятью» скромной, но благородной литературной деятельности Плещеева, призывающей «к честному служению обществу и ближним».

1924 г.

Валерий Брюсов

9 октября 1924 г. умер Валерий Брюсов. Творческие «пути и перепутья», им пройденные, необычайно сложны. В печати он выступил в 1894 г. (в сборнике «Русские символисты»), как декадент и символист. Но декадентство Брюсова было довольно скоро им изжито. Символические образы в его стихах очень скоро становятся, в сущности, реалистическими. С годами у Брюсова все более крепнет тяга к пушкинскому. Характерные черты позиции Брюсова — рацionalизм, ясность мысли, вера в торжество разума, в науку. Рацionalизм и верное чувство истории дали Брюсову возможность в отличие от большинства его соратников-символистов, увидеть в Октябрьской революции величайший исторический рубеж, начинаящий новую эру мировой культуры. Брюсов, разошаривая со всем своим прошлым, выступил в коммунистическую партию и, как рядовой член ее, принял участие в строительстве новой, социалистической культуры. Он был готов «снова стать человеком» и начал упорно работать над реструктурой своего мировоззрения.

В одной из статей (1922 г.) Брюсов сунул от оправдания о символизме, окаменевшем в своих традициях. «Оценяя поэзию символов, — писал он, — я должен, по крайнему моему разумению, отнести отрицательно к их деятельности в последние годы... Доля обвинения, выдвинутых мною против символов, падает и на меня... Позвольте себе сказать, что действительно признаю, поскольку способен критически относиться к себе, и свои стихи 1912—17 гг. не свободными от общих недостатков символической поэзии того периода. Но, продолжая столь же откровенно, думаю, что некоторых, роковых для символов, путей мне удалось избежать, и что мои стихи следующего пятилетия... выходят на иную дорогу». Избегнув «роковых путей», Брюсов приступил к прославлению пролетарской революции.

Перечисленные разнообразные литературные труды Брюсова огромны. В него входят стихи, рассказы, исторические романы, драмы, историко-литературные и критические статьи, работы по стиховедению, по истории Арmenии, по археологии, переводы французских и античных поэтов...

До сих пор богатейшее литературное наследство Брюсова полностью не было опубликовано. В настоящее время Гослитиздатом готовится двенадцатитомное собрание сочинений Брюсова под общей редакцией Н. С. Ашукова, И. М. Брюсовой и Г. А. Ржановой. Первые тома намечены к выходу в 1939 г., к 15-летию со дня смерти Брюсова.

НА БЫТОВЫЕ ТЕМЫ

«НА ОТДЫХЕ»

*
А. Раскин, М. Слободской

Чемоданы в руках, папироса в зубах, от маляния во взгляде. Растрелянный, он прижимается слизью к пальме и грустными глазами обволакивает опустевшую привокзальную площадь. Только что завернулся за угол последний самодиректор автобуса великоколенного сиреневой масти. Это не его автобус. Ему не на чем ехать, да он и не знает куда. Жажда такая, что пальмы и маляния почти не производят впечатления. Он стоит злой и равнодушный карам пиромы. «Ну, горы, — думает он, — ну, море, — на этом далеко не уедешь!».

Сосед по купе увез автобус дома водителя. За соседкой текстильщицы прислали музину.

— Кто к химикам? — зазывали с магнитом.

И только он один стоял и хранил в безответно:

— Это за писателями? За писателями кто?

А теперь машин не осталось. Не осталось и надежд.

— Скажите, как пройти к дому отдыха Литфонда?

— Литфонда? Гм.. Литфонда... Знаете что, молодой человек?..

— Ну?

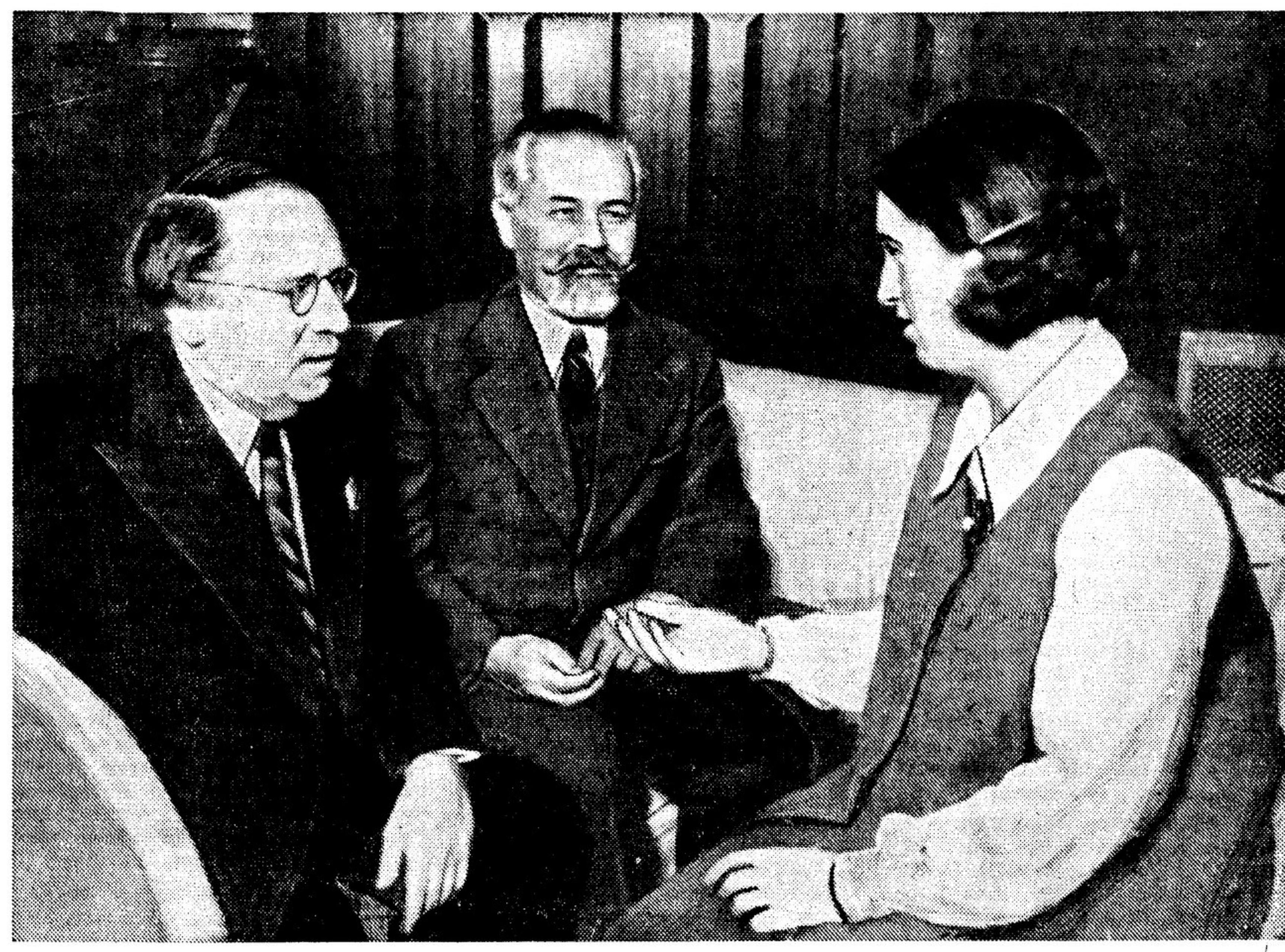
— Ваме либо мне почему-то правится. Я хочу дать вам хороший совет: не ходите туда!

— То есть как — не ходить? У меня же путевка!

Литературная газета

6

№ 56

7 октября в клубе писателей состоялся вечер собирательницы крымского фольклора Марии Георгиевны Кустовой. На снимке (слева направо): А. Толстой, проф. Ю. Соколов и М. Кустова. Фото С. Шингарева.

ЗАЧНЫЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ПО СЛЕДАМ
НАШИХ МАТЕРИАЛОВ

2 октября в Московском клубе писателей «Литература и мистика» обсудили обзор газеты, помещенный в «Литературной газете» от 26 сентября 1938 г.

Коллектив сотрудников «Литературы и мистики» признал критику «Литературной газеты» в основном правильной.

Выступавшие товариши отмечали низкий уровень трудовой дисциплины в редакционном коллективе. Они указывали на то, что работники искусства и педагоги не привлечены к участию в газете. Газета недостаточно освещала творческие вопросы литературы и искусства, проходила мимо музыкальных инструментов.

Создание «музыкального университета» встретило широкий отклик. Дом народного творчества получил сейчас около 5 тысяч заявлений из разных концов Союза рабочих, служащих, колхозников, крестьян. Десятки заявлений телеграмм прибыло с Игарки и из Икутска.

225 ЛЕТ
ЛЕНИНГРАДСКОЙ
КАПЕЛЛЫ

В 1713 году Петр I основал в Санкт-Петербурге певческую капеллу. Это было сперва небольшая хор, состоявший из лучших, преимущественно малолетних певцов.

Во главе капеллы в разное время стояли русские композиторы — Бортнянский, Балакирев, Аренский. Несколько лет в качестве капельмейстера в капелле работал М. И. Глинка.

Лишь после Октябрьской революции капелла достигла полного расцвета. Ее репертуар пополнился такими шедеврами мировой классики, как «Самсон» Генделя, мессы Баха, «Реквием» Верди, хоры Римского-Корсакова, Таинева, Лядова. Капелла, получившая название Ленинградской академической, работает и на настоящих хоровых гастролях, иногда появляясь на страницах газеты.

Совещание выявившую, как основную задачу, привлечение писателей для работы и непосредственно в аппарате редакции и привлечение для сотрудничества в газете писателей, оставались втуне.

Согласно Гослитиздата приглашает писателей на встречу с редакторами. После докладов редактора Гослитиздата Ю. Лукина и А. Дермана в пренятия должны выступить М. Серебрянский, С. Гехт и другие.

Завтра, как всегда под выходной день, вечер отдохна.

12 октября писатели встречаются в клубе с участниками боев у озера Хасан.

Литературный конкурс на заводе

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В прошлом году на заводе «Электросила» им. С. М. Кирова с успехом прошел конкурс на лучшую заводскую песню. В результате конкурса была создана «Электросиловская песня», ставшая популярной на заводе.

Сейчас на «Электросиле» объявлен второй, более широкий конкурс — на лучшее литературное произведение (в том числе и песни). Помимо представителей заводской общественности в жюри конкурса вошли: депутат Верховного Совета РСФСР И. Дунаевский, писатели А. Проскурин, В. Лавренев. Конкурс заключается в 21-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Лучшие прописи будут премированы.

15 октября — первая в сезоне творческая встреча поэтов.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
БИОГРАФИИ

Издательство «Советский писатель» включило в тематический план 1939 года художественные биографии Кирова, Фрунзе, Мао Цзэдуна и других.

Решено выпустить также художественную литературу, посвященную боям в районе озера Хасан и событиям в Чехословакии.

Все эти книги выйдут в Ленинградском издательстве.

Однотомник издается тиражом 50 000 экз.

В МОСКОВСКОМ КЛУБЕ
ПИСАТЕЛЕЙ

Зимний сезон в Московском клубе писателей — в разгаре, хотя официального открытия клуба еще не было. Все дни обозреваемого месяца уже расписаны, и почти каждый вечер в клубе устраиваются встречи, собрания, творческие дискуссии.

7 октября в одной из комнат клуба проходил первый в этом сезоне декаднический драматургов, посвященный чтению и обсуждению пьесы Е. Черткова «Рожь».

В верхней гостиной в это же время прошло производственное совещание новеллистов: разбирались новые рассказы Я. Рыжакова «Шпион» и «Сведенные стечки». Новеллисты прервали свое совещание, чтобы присоединиться к приглашению Алексея Толстого, к слушавшим в соседней гостиной крымские народные сказки и песни в замечательном исполнении М. Кустовой.

Сегодня Гослитиздат приглашает писателей на встречу с редакторами. После докладов редактора Гослитиздата Ю. Лукина и А. Дермана в пренятия должны выступить М. Серебрянский, С. Гехт и другие.

Завтра, как всегда под выходной день, вечер отдохна.

12 октября писатели встречаются в клубе с участниками боев у озера Хасан.

Литературный конкурс на заводе

АЛЬФОНС ДОДЕ

Ленгосиздат выпускает одно из наиболее остройных сатирических произведений знаменитого французского писателя Альфонса Доде — роман «Бессмертный», посвященный изображению правил французских учеников, входящих в «Академию». Тираж издания 10 000 экз.

В МИРЕ КНИГ

Дебют А. Блока

1903 год Александр Блок называл годом своего «литературного крещения». Действительно, в этом году он вошел в «большую литературу», стала печататься «серебро»: в марта в книжке журнала «Новый путь» напечатан цикл его стихотворений под названием «Из воспоминаний», в том же году в склониновском альманахе «Северные цветы» появился первый «Стихи о прекрасной Даме», наконец, в октябрьской книжке того же «Нового пути» помещены его первые рецензии.

Однако подлинным дебютом Блока надо считать выход в свет «Литературно-художественного сборника студентов Петербургского университета» (СНБ, 1903, типография А. С. Суворина). Хотя этот сборник вышел на несколько недель позже третьей строфы, второе имеет много различий по отношению к автографу, а стихотворение «Чем большей душой мятежной» (которое имело еще название «Мое материнство»), воспроизведенное в сборнике «Стихи о прекрасной Даме», впервые в «Стихах о прекрасной Даме», наконец, в «Новом пути».

Любопытны идея, цель и смысл этого литературного предприятия, названного в предисловии ученической выставкой молодых художественных и поэтических сил двух высших учебных заведений Петербурга. В составе сборника вошли стихотворения 44 поэтов-студентов, отобранных директором по центру В. Б. Никольским из произведений, представленных 125 лицами.

Книга украшена иллюстрациями на тематические сказки и пьесы, включая «Стихи о прекрасной Даме», «Чем большей душой мятежной» и «Мое материнство», воспроизведенными в собрании сочинений изд. Ленинградского т-ва сатирических.

Повидимому, по строкам Блока прошел редакторский карандаш Бориса Никольского.

Текст украшен вставкой работы В. Богословского. В художественном отделе Гослитиздата, по словам Блока, прошел редакторский карандаш Бориса Никольского.

В своей автобиографии Александр Блок

пишет, что после неудачной попытки в 1900 году начинать в редактируемом З. Островским толстом журнале «Мир божий» свои стихотворения («Гамма» птица венчая) он долго никуда не совался, пока в 1902 году его не направили к Б. Никольскому, редактирувшему тогда вместе с Рениным «Студенческий сборник».

В сборнике напечатаны три лирических стихотворения поэта — «Ранний час», в пустыне незрим», «Чем большей душой мятежной».

Любопытны датировки датируются 1901 годом, когда Блок считал самым замечательным в своей жизни и творчестве, и входит в обширный цикл, впоследствии названный «Стихи о прекрасной Даме».

В первом из помещенных в сборнике стихотворений поэта опущена третья заключительная строфа, второе имеет много различий по отношению к автографу, а стихотворение «Чем большей душой мятежной», кроме различий имело еще название «Мое материнство», воспроизведенное в собрании сочинений изд. Ленинградского т-ва сатирических.

В своем первом номере 4 р. 50 к.

Том шестой. Человеческая комедия.

«Отец Горю», Перевод под редакцией Е. А. Гунста. Литературный комментарий Б. А. Григорова. Примечания Е. Ф. Корша. Государственное издательство «Художественная литература». Тираж 15000 экз.

Книга С. Крушинского «Советские девушки» рассказывает о культурном росте женской молодежи, борьбе за новый быт, патриотизме советских девушек и их прекрасном будущем.

«20 лет ВЛКСМ» С. Островская — историческая справка о пути комсомола с момента его зарождения вплоть до наших дней.

В сборнике «Навстречу двадцатипятилетию комсомола» известного писателя Я. Б. Балыкина, включены писателем в серию «Сцены провинциальной жизни». На русском языке роман появляется